

На правах рукописи

Столяренко Евгений Владимирович

Молодежный радикализм в российском социуме

22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

005013235

15 МАР 2012

Краснодар - 2012

Работа выполнена в ФГОУ ВПО «Новочеркасская государственная мелиоративная академия»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Николаева Людмила Сергеевна

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, доцент
Рачина Андрей Валерьевич

доктор социологических наук, доцент
Самыгин Петр Сергеевич

Ведущая организация: **ФГОУ ВПО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)**

Защита состоится «28» марта 2012 г. в 10:00 ч на заседании диссертационного совета ДМ 203.017.01 по философским и социологическим наукам при Краснодарском университете МВД России (350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128, зал заседаний диссертационного совета).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Краснодарского университета МВД России (350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128)

Автореферат разослан «25» февраля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.Г. Черников

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Проблемы российской молодежи относятся к проблемам всего российского общества, в котором происходит становление молодежи как субъекта общественных отношений. Будущее страны определяется не только институциональными и структурными факторами, но и политической активностью молодежи. В России, согласно данным института российского парламентаризма только 7% молодых людей интересуются политикой, из них подавляющее большинство входят в официальные молодежные структуры («Наши», «Молодая гвардия»), 24% молодых россиян, проявляющих политическую активность, серьезно увлечены политическим радикализмом, состоят в «классических» организациях типа нацболов или в организациях нового типа (анархистского, анархоэкологистского, или националистического направлений). Недоверие и отказ от форм легального и легитимного политического участия молодежи создают предпосылки для усиления социальной и политической дезинтеграции общества, сужает пространство возможностей для политической эволюции, для процесса демократизации общественной жизни и формирования политической субъектности молодежи. Вот почему так актуальна проблема анализа и оценки состояния и перспектив развития молодежного радикализма в России, его специфики по сравнению с молодежным радикализмом в западных странах.

Бурные 60-е годы XX века отметились тем, что впервые обозначился феномен молодежного радикализма в западных странах. В университетских кампусах Америки, зародилось течение, основанное на самоидентичности молодежи, на утверждении того, что молодые люди являются теми, кто вносит обновление в общественную жизнь. Движение хиппи, пацифистское и утопическое по социальной проективности, сошло на «нет» в 1980-е годы и вчерашние бунтари благополучно вошли в правящий истабилишмент западных стран, но не исчезло, а, наоборот, набрало обороты молодежное «крыло» в современной социальной и политической жизни, которое дает о себе знать иногда в крайних формах. Молодежный радикализм занимает, на первый взгляд, периферийное место в политической жизни, но реально его влияние гораздо сильнее.

Молодые люди, как правило, испытывают разочарование от «взрослой» политики, от навязываемой им модели политического конформизма и подчас ритуализма. Радикалы привлекают молодежь безотверженной преданностью идеалам, презрением к политическому соглашательству, тем, что для них важна ни политическая цель, а сам процесс движения, тем, что в их рядах созревают альтернативные политические течения и предлагаются схемы политического катарсиса. Радикальные политические практики, являясь маргинальными в сложившейся системе социально-политического устройства, являются генератором антисистемных настроений, вносят «вклад» в дестабилизацию политической жизни и, несмотря на малочисленность и внутриорганизационную конфликтность, содержат потенциал политических рисков для суверенитета и целостности российского государства.

Здесь следует также подчеркнуть, что радикализм со временем становится вполне «взрослым», уверенно занимает определенную нишу политической и социальной жизни, оказывает влияние на формирование политических пристрастий и моделей идентификационного поведения.

Молодежный радикализм опирается на весомые идеино нравственные мировоззренческие и политические аргументы, претендует на статус инновационной, способной встяхнуть политическую и социальную рутину силы. Молодежный радикализм интересен и тем, что является не только формой компенсации молодежи за ее фактическое неучастие или дискриминацию во взрослой политики, но и дает представление о тенденциях в общественном сознании, которое, как известно, протекает дискретно и которому присущи волнообразность: молодежный радикализм четко улавливает барометры социального настроения. Поэтому так важно исследовать истоки и инфраструктуру молодежного радикализма, сложившейся в постсоветской России.

Степень научной разработанности проблемы. В социологической науке теоретические основы концепции молодежи заложены Карлом Манхаймом, который рассматривал молодежь как группу исторической инициативы, играющих в современном обществе все более заметную роль, но молодых людей легко увлечь радикальными идеями, используя мобилизационный ресурс молодежи для осуществления самых радикальных политических проектов, так как у молодежи еще нет стабильных социальных позиций и интересов. Политические радикалы используют социальную энергию молодежи, которая может дать, как позитивные результаты, так и стимулировать интеграцию в радикально-политические движения. Среди молодежи нарастает потенциал протеста против существующего положения, стремление построить более совершенный, приемлемый для молодежи мир.

Теоретики постнеклассической социальной мысли (Гидденс Э., Бек У., Бурдье П.) видят нарастание рисков для самореализации молодежи в современном обществе, нарастающая неопределенность и неэффективность системы социальной интеграции заставляет молодежь искать свои жизненные тропы, что способствует возникновению, нарастанию в молодежной среде альтернативно существующих социальному, политическому, нравственному порядку идей и действий.

Российская социологическая мысль (Д.В. Петров, Е.А. Гришина, М.К. Горшков, Ю.Г. Волков, Ф.Э. Шереги, Ю.А. Зубок, М.Ю. Попов и др.) ориентирует на то, что в современном обществе, молодежь является группой риска, что социально-воспроизводственная функция молодежи сужена, хотя в официальном дискурсе присутствует интерпретация молодежи, как реформаторского и социально-оптимистичного слоя.

Реально, подчеркивают российские социологи, существует расхождение между жизненными планами молодежи и теми возможностями, которое предоставляет для ее социальной самореализации и политической самоорганизации государственная молодежная политика и реальное состояние социально-политической сферы общества. В российской социологической мысли сложилось три подхода к проблемам молодежного радикализма: Первый, ко-

торый условно можно назвать социально классовый (В.И. Добреньков, М.Н. Руткевич), исходит из того, что молодежь в российском обществе относится к группе социальной депривации и риска и в современной России не существует внятной государственной политики, которая бы способствовала интеграции молодежи в обществе и направляла на общественное благо ее социальный потенциал,

По-мнению М.Н. Руткевича, Д.В. Петрова, Э.А. Макаревича российская молодежь, несмотря на внешние признаки социальной апатии и группового эгоизма, быстро политизируется и этот процесс принимает деструктивные с позиции социальной стабильности формы, в виде социального исключения и участия в деятельности радикальных организаций.

Второй подход, который продолжает традицию структурного функционализма, (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, Д.Л. Константиновский, М.К. Горшков) исходит из того, что российская молодежь, как субъект социального воспроизведения, не достаточно включена в общественные процессы, в силу неадекватности интеграционных социальных и социально-профессиональных механизмов и отсутствия интегральных, ценностно деятельности ориентаций молодежи, склонности к девиантному поведению, т.е. российская молодежь является периферийной социальной группой и ее конструктивный потенциал не используется.

К сторонникам третьего подхода можно отнести Г.А. Чередниченко, Л.И. Ионина, которые утверждают, что молодежный радикализм связан с особенностями молодежной субкультуры, той формы, с помощью которой молодежь может быть мобилизована и интегрирована в жизнь. Молодежные субкультуры характеризуются элементом инновационности, выработки новых ценностных критерии и соответствуют особенностям мировоззрения молодежи. Радикализм «произрастает» из стремления молодежи опережать действительность, из расхождений между культивируемыми в молодежной среде ценностями и общепринятыми в общественной среде правилами и стандартами.

Таким образом, молодежный радикализм исследуется в классовом, структурном и ценностном измерениях. Однако существуют значительные теоретические лакуны, связанные с тем, что молодежный радикализм не исследуется в связи с особенностями социальной адаптации молодежи, изменения мировоззренческих позиций в процессе социальных трансформаций российского общества. Поэтому так необходимо самостоятельное исследование, которое бы выявило особенность радикальных молодежных направлений современной России, их место в социальной и политической жизни. И не менее важно, то, что в контексте социологического анализа необходимо субъектно-деятельностное измерение молодежного радикализма - как социальное состояние молодежной среды, связанное с определенными социоструктурными и деятельностно-мотивационными основаниями, требующее системного осмысливания факторов, относящихся к социоструктурным, институциональным условиям, мировоззренческим и поведенческим практикам российской молодежи.

Целью диссертационного исследования является изучение молодежного радикализма как организационного и идеально-политического направления молодежной среды, ориентированного на конфронтацию молодежи с обществом и государством и актуализацию деструктивной социальной энергии молодежи в целях внесения хаоса и беспорядка в общественно-политическую жизнь.

Реализация поставленной цели, предполагает решение следующих исследовательских задач:

- систематизировать основные теоретико-методологические подходы к исследованию молодежных радикальных направлений;
- исследовать особенности становления молодежного радикализма в условиях трансформации российского общества;
- выявить мировоззренческие и социально-деятельностные истоки возникновения молодежного радикализма;
- охарактеризовать место молодежного радикализма в политической жизни современного российского общества;
- выделить основные типы молодежного радикализма и на основании этого артикулировать социальное пространство молодежного радикализма;
- выявить тенденции развития молодежного радикализма в России с учетом интересов молодежной политики.

Объектом диссертационного исследования является молодежь современной России как коллективный субъект радикальных ассоциаций .

Предмет исследования – радикализм в молодежной среде как социальное состояние, связанное с определенными социоструктурными и деятельностно-мотивационными основаниями.

Гипотеза исследования. Молодежный радикализм в российском социуме является состоянием молодежной среды, связанным с политической псевдосубъектностью, как следствием политического индифферентизма и недоверия к государственным и политическим институтам. Существование молодежных радикальных направлений в социальной и политической жизни российского общества определяется социальной аномией молодежной среды, социоструктурными изменениями трансформирующегося российского общества. Несмотря на периферийные позиции в политической жизни, молодежные радикальные направления претендуют на роль движений контридентичности, внесистемной оппозиции, реализующих инновационный потенциал молодежи для достижения целей политической нестабильности и деконструкции государственной власти.

Теоретико-методологической основой исследования является теория молодежи, как социального резерва общества К. Манхайма и социального активизма молодежи Э. Гидденса, а также положения и выводы российских ученых Ю.А. Зубок, В. И. Чупрова, М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги о двойственной роли молодежи в российском обществе, согласно которой молодежь выступает, как субъект социальной активности, так и содержит позиции социального риска, связанные с воспроизведением в молодежной среде радикальных настроений.

В диссертационном исследовании получили отражение субъектно-деятельностный, конфликтологический и социокультурный подходы, а также процедуры социального моделирования и системного анализа, методология и методы социологических исследований.

Эмпирической базой диссертации послужили результаты проведенного автором самостоятельного социологического исследования политических ценностных ориентаций и стратегий поведения студенческой и работающей молодежи Ростовской области в 2009-2011г.г. Тип исследования - выборочное. Тип выборки - случайная. Объем выборочной совокупности - 575 человек в возрасте от 17 до 30 лет, из них 400 человек - студенты (2009-2010г.) и 420 человек от 17 до 30 лет (2011г.). Массив при обработке дифференцирован в соответствии с элементами социальной структуры по признакам: социально-демографическим (молодежь от 17 до 24 лет; от 24 до 30 лет), половым, социально-территориальным (областной город Ростов-на-Дону и город Новочеркасск, Ростовской области), социально-профессиональным (род занятий: студенты, старшие школьники, наемные работники, предприниматели, неработающие); социально-классовым (самоидентификация респондентов по уровню обеспеченности).

Также диссидентом был проведен вторичный анализ социологических исследований Института социально-политических исследований РАН (Центр исследований молодежи), исследований Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова, М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги, Д.Л. Константиновского.

Достоверность выводов, полученных в работе, обусловлена научно-методологической, теоретической и эмпирической базой исследования, а также сопоставлением полученных данных с результатами исследований по теме диссертации других авторов.

Научная новизна исследования определяется совокупностью достигнутых результатов и состоит в осмыслиении автором молодежных радикальных направлений, как внесистемной оппозиции, ориентированной на реализацию альтернативных проектов существующим моделям социального и политического порядка. В содержательном плане научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Систематизированы теоретико-методологические подходы к проблеме молодежного радикализма, выявлен субъектно-деятельностный аспект данного социально-духовного феномена.

2. Определены особенности становления и развития молодежного радикализма в постсоветском российском обществе, которые состоят во-первых, в том, что молодежный радикализм детерминирован социоструктурными факторами, возникшими в ходе социальной трансформации российского общества, которые привели к социальным диспропорциям, сужающим социально-мобильный потенциал молодежи; во-вторых, в определенном запаздывании по сравнению с «западным» радикализмом и в-третьих, генерации антиэтатизма (анархизма) в качестве фундаментального принципа организации и деятельности.

3. Выявлены мировоззрческие социально-деятельностные истоки мо-

молодежного радикализма, как следствия политического индифферентизма и смещения ценностных мотиваций молодежи в пользу поиска девиантных форм социального самоопределения.

4. Охарактеризованы место и влияние молодежного радикализма в социальной и политической жизни российского общества, что включает, мобилизацию и отвлечение от позитивного политического участия «идеалистически» настроенной группы молодежи и использование молодежного радикализма «взрослыми» политическими партиями для реализации узкопартийных политических целей.

5. Данна классификация молодежного радикализма по идеино-политическому и функциональному критериям и на основании этого артикулировано пространство молодежного радикализма, как периферийного и позиционированного как внесистемной оппозиции в политической жизни общества.

6. Определены перспективы противодействия инейтрализации молодежного радикализма в контексте совершенствования государственной молодежной политики с целью повышения действенности социальной и политической интеграции молодежи и развития гражданского общества в России.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Субъектно-деятельностный подход анализирует молодежный радикализм через выявление когерентности социальных (социоструктурных), политико-организационных, идеино-нравственных условий формирования и развития молодежного радикализма как социетального состояния молодежной среды, связанного с социоструктурной самодетерминацией и легитимацией в контексте идеино-политического и ценностного релятивизма.

2. Молодежный радикализм в российском обществе сформировался в условиях социальной трансформации российского общества, которая привела к социальным диспропорциям, сужающим социально-мобильный потенциал молодежи. Разнообразие рыночных социально-профессиональных ниш и нарастающая ограниченность рынка труда, территориальные разделения определяют социальное позиционирование молодежи как группы суженным социальным воспроизводством и с усилением тенденций социального отчуждения и изоляционизма, понижения интереса к межгенерационному диалогу, что стимулирует радикализацию молодежной среды в отношении к общественным интересам и диалогу с другими социально-возрастными и социальными группами российского общества.

3. В условиях размытости национально-государственной идеологии, российская молодежь демонстрирует достаточно высокий уровень исторического и правового нигилизма, ориентируясь на социальную микросреду. Мировоззренческие истоки молодежного радикализма включают также ценностный и политический нигилизм, исторический негативизм, политический индифферентизм. Радикальные идеи и настроения выступают в форме альтернативной опыту и диктату старших поколений, а также неэффективной и антиювенальной позиции государства, схемы восприятия и оценки, что гене-

рирует в молодежной среде стремление к демонстрации радикальных настроений при низкой готовности к совместным радикальным практикам.

4. Молодежный радикализм в политической жизни современного российского общества характеризуется периферийностью позиций, отсутствием политической субъектности и неприятием системных молодежных организаций, что совмещается с претензией на роль новой социальной и политической силы, стратегии «условного» сотрудничества с внесистемной политической оппозицией и политической активностью в виде эффектных политических акций, что маргинализует молодежный радикализм и усиливает его зависимость от политической конъюнктуры.

5. Молодежные радикальные направления в современной России необходимо классифицировать на основании идеино-политического критерия (националистические, религиозно-фундаменталистские, анархистские, ультраправые), а также по функциональному признаку (партнерские, альтернативные, провокативные, мобилизационные), что указывает с одной стороны, на мозаичность, неоднородность молодежных радикальных движений, с другой - на воспроизведение маргинальных политических позиций, связанных с обращением исключительно к «бунтарской» молодежи и риторическим политическим дискурсам.

6. Перспективы противодействия и нейтрализации молодежного радикализма в России целесообразно рассматривать в контексте совершенствования государственной молодежной политики, которая на современном этапе совмещает методы информационной и политической блокады, использования механизмов правового предупреждения и принуждения, что свидетельствует о недооценке потенциала молодежных радикальных направлений и должно быть переосмыслено с позиции диалога с массовыми участниками молодежного радикализма, нейтрализации «идеологов и лидеров экстремизма», ростом активности и влияния молодежных гражданских ассоциаций, выраждающих интересы молодежи, как самостоятельной социально-возрастной и социокультурной группы.

Научно-теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования определяется острой актуальностью его темы, а также тем, что сформулированные в работе выводы и положения дают возможность развить теоретические представления о сущностной специфике российского молодежного радикализма. Полученные результаты могут использоваться в формировании и реализации государственной молодежной политики, при разработке и реализации концепции общественной безопасности, а также материалы исследования могут применяться в разработке и чтении курсов по социологии и политологии, социальной философии, социологии молодежи.

Апробация работы

Основные материалы диссертационного исследования изложены в выступлениях автора на научно-практических конференциях «Всероссийские научные чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы» 2007 г., 2010 г., 2011 г. (г. Новочеркасск); 6-й Международной науч-

ной конференции «Человек и общество: поиски, проблемы, решения» (НГМА 2010г.), 3-ей Международной научно-практической конференции «Занятость в XXI веке: формы, тенденции изменения, закономерности и мера» (г. Ростов-на-Дону, РГЭУ, 2010г.), У11 Международной научно-практической конференции «Современные вопросы науки - XXI век» (Тамбов, 2011г), Международной научной конференции «Развитие системы образования – основа обеспечения безопасности страны» (Москва, 2011), отражены в 22 публикациях общим объемом 28,25 п.л., в том числе в 3 изданиях, рекомендованном ВАК Минобрнауки РФ, и в 2 научных изданиях.

Структура диссертации включает введение, две главы, состоящие из шести параграфов, заключение и список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее разработанности, формируются цели, задачи исследования, обосновываются элементы научной новизны, положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы, а также степень ее апробации.

Глава 1. «Молодежный радикализм: методологические подходы и факторы возникновения» посвящена систематизации теоретических подходов в области исследования молодежного радикализма, направлена на выявление совокупности условий, которые детерминируют тенденции радикализации молодежной среды в контексте социальных и политических перемен в российском социуме.

В параграфе 1.1. «Теоретико-методологические подходы к исследованию молодежи и молодежных радикальных направлений» отмечается, что истоки молодежного радикализма исследовались в зарубежной социологии: в теории молодежи, как социального резерва общества К.Манхайма и социального активизма молодежи Э.Гидденса, в теории риска У.Бека, Э.Гидденса. Манхайм отмечает, что в динамических современных обществах, молодежь выступает и резервом развития будущего, но также молодежь находится в своеобразном конфликте с обществом, поэтому молодых людей легко увлечь радикальными идеями. В теории рискологии (Гидденс Э., Бек У., Бурдье П) радикализм молодежи анализируется как производное от нарастающего риска в современном западном обществе, в частности рисков для самореализации молодежи.

Диссидент рассматривает радикализм, в широком смысле, как решительное осуществление намерений в том или ином деле, с применением крайних, насилиственных методов и средств достижения цели. Радикальный тип сознания и поведения детерминируется и провоцируется спецификой самого общества, происходящих социально-политических процессов – отмечают отечественные ученые: К. Абульханова-Славская, Г. Андреева, В. Бочарова, С. Иконникова, М. Попов. Согласно теории социальной интеграции, радикализм и экстремизм молодежи обусловлен нарушением, деформацией процес-

са социальной интеграции молодежи. Диссертант солидарен с точкой зрения ряда исследователей о том, что неадекватно действующие социальные институты, конфликтующие с интересами молодежи, препятствуют ее самореализации, способствуя тем самым ее социальному исключению. Протестной активности молодежи способствует возрастающая неудовлетворенность существующим социально-экономическим положением и неопределенностью своего будущего.

Диссертант, систематизируя теоретические подходы к анализу радикализма, выделяет три основных подхода к проблемам молодежного радикализма: Первый, социально классовый (В.И. Добреньков, М.Н. Руткевич), исходит из того, что молодежь в российском обществе относится к группе социальной депривации, в результате процесс политизации молодежи принимает деструктивные формы, в виде социального исключения и участия в деятельности радикальных организаций. Второй подход - структурного функционализма, (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, С.В. Полутин) исходит из того, что российская молодежь, как субъект социального воспроизводства, не достаточно включена в общественные интеграционные процессы, характеризуется склонностью к девиантному поведению и к радикализму, как одной из форм девиации. Третий, социокультурный подход, (Г.А. Чередниченко, Л.И. Ионина) отмечает, что молодежный радикализм выступает как социокультурный феномен, как особые типы молодежных субкультур.

Диссертант делает вывод, что необходимо системно осмысливать молодежный радикализм как феномен, обусловленный социально-психологическими особенностями в развитии и социализации молодёжи, а также трансформационными процессами в экономической, политической, социальной и социокультурной сферах России, спецификой сознания молодежи и радикальных традиций в России. Анализ существующих теоретико-методологических подходов к проблеме молодежного радикализма (дескриптивный, нормативистский, структурно-функциональный) показывает, что, несмотря на несомненные теоретические обобщения в осмыслении феномена молодежного радикализма, важно актуализировать субъектно-деятельностный подход, который анализирует молодежный радикализм через выявление когерентности социальных (социоструктурных), политico-организационных, идеально-нравственных условий формирования и развития молодежного радикализма как социetalного состояния молодежной среды, связанного с определенными социоструктурными и деятельностно-мотивационными основаниями, с социоструктурной самодетерминацией. Субъектно-деятельностный подход акцентирует внимание на уровень субъектности, самодеятельности молодежи, изменяющей условия собственного социального бытия. Диссертант обосновывает, что субъектность молодежи выступает как способность к самореализации в результате собственной активности - сознательной, рациональной, самодеятельной, но при неблагоприятных социально-экономических и политических условиях реализуется в форме молодежного радикализма, а для радикалистского мышления и поведения молодежи характерны нигилизм, резкие колебания настроений и дей-

ствий между крайностями, склонность оправдывать силовые методы для достижения социальных и политических целей, максимализм.

В параграфе 1.2 «Системно-структурные факторы возникновения молодежного радикализма в постсоветском российском обществе» выявляются факторы, детерминирующие рост молодежного радикализма в ходе трансформации российского постсоветского общества.

Диссертант отмечает, что системно структурные преобразования в российском обществе характеризуются особенностями: - на первое место выступили властные и экономические интересы российской элиты; - доминировала тенденция пассивной адаптации большинства населения к социальным изменениям, что вызвало ситуацию социокультурного шока; - системные преобразования в российском обществе носили незавершенный характер и сохраняли значительное влияние советского институционального наследования; - российская молодежь была отстранена от процесса реформирования, что было связано с номенклатурным, закрытым характером российской элиты и сохранившейся парентократической традицией. В ходе реформ российское молодое поколение могло выбирать только два пути: либо пассивной адаптации, приспособления, либо активной, но связанной, в основном, с девиантными социальными практиками, так как механизмы легальной социальной активности молодежи были купированы.

Диссертант делает вывод, что в российской социологической мысли сложились три позиции относительно состояния российского общества, характера и влияния происходящих социальных перемен и роли молодежи. Социально критическая (неомарксистская) позиция – В.И. Добреньков, М.Н. Руткевич – полагают, что современная Россия идет по пути олигархического капитализма, что не соответствует коренным интересам подавляющего большинства граждан и интересам развития страны, в результате молодежь не может выполнять социально воспроизводственную функцию, происходит социально-профессиональная деградация молодежи и потеря ею духовно-нравственных ориентиров, рост девиантных и радикальных проявлений.

В работах В.А. Ядова, Л.Н. Гудкова, Б.А. Дубина прослеживается либеральная позиция, согласно которой в российском обществе, в основном, сформировались демократические и рыночные институты, молодежь относится к наиболее продвинутой, поддерживающей реформы группе, несмотря на определенные различия по статусным показателям, а радикализм выступает как своеобразная болезнь незначительной части молодежи.

Примирительная (смешанная) позиция (М.А. Шабанова) рассматривает российское общество как общество демократии и рыночной экономики, но в своем российском варианте, связанной с традицией, спецификой восприятия и сложившейся социально-профессиональной структурой. Наблюдается раздвоенность субъектности молодежи, которая, с одной стороны, является первым поколением, выросшим в условиях рыночных преобразований, с другой – в российской молодежной среде сильны настроения социальной анархии, иждивенчества и дистанцированности от социально-экономической самостоятельности.

Исходя из вышеизложенного, диссертант отмечает, что структурные преобразования в российском обществе привели к социальной поляризации, резкому социальному, имущественному и социокультурному расслоению, привели к тому, что молодежь является группой социального риска, балансирует на грани социального исключения, затруднено самоопределение молодежи, что приводит к возрастанию нелегальных способов реализации жизненных целей (девиантной карьеры). Молодежь оказалась в ситуации транзитивности: с одной стороны, традиционные социально-профессиональные и социальные ниши исчезли, с другой – новые не сформировались в силу деиндустриализации экономики и общества. Социальные диспропорции в обществе резко осложняют процесс социальной самореализации молодежи. Высшее образование, которое традиционно воспринимается как лифт социальной восходящей мобильности, перестает выполнять свою функцию.

Диссертант делает вывод, что социальные (социоструктурные) диспропорции в российском обществе, и дефицит институциональных (легальных) форм самореализации молодежи, являются общесистемным обстоятельством стимулирования молодежного радикализма.

По мнению диссертанта, для большинства российской молодежи характерно противоречивое отношение к радикализму. С одной стороны, отсутствует готовность принять участие в радикальных акциях на личностном или групповом уровнях, т.е. не сложился коллективный субъект радикализма. С другой стороны, присутствует равнодущие или позитивное отношение к проявлению молодежного радикализма, как справедливой и обоснованной реакции молодежи на неудовлетворенность своим положением не только в сфере материального производства, но и в социально-политической жизни. Особенность молодежного радикализма на современном этапе состоит в недоверии или озлобленности по отношению к государству и стихийности или конфликтности отношений на уровне межличностного взаимодействия. По результатам авторского социологического исследования (2009-2011 г.г.), диссертант делает вывод, что среди молодежи, вне зависимости от критерия доходности, сильно влияние социальной неудовлетворенности, осознания того, что молодежь не заняла достойное место в социальной жизни, что к ее позиции не прислушиваются. Следовательно, радикальные идеи являются формой замещающей интеграции, так как механизмы и условия социально-профессиональной интеграции, социального включения молодежи (образование, профессия, территориальная мобильность) в обществе снижены. И в этом смысле, по мнению диссертанта, нужно отличать демонстративный радикализм, как способ подчеркивания самостоятельности молодежи, и деятельности, связанный с попытками не отчуждения существующей системы общественных отношений и ценностей, а их радикального разрушения или переустройства.

С точки зрения диссертанта, молодежный радикализм в современном российском обществе сформировался в условиях «стихийной» демократизации, в условиях социальной аномии, обусловленной рыночными преобразованиями, т.е. молодежный радикализм выступает как совокупный эффект со-

циоструктурных изменений в российском обществе. Могут произрастать самые неожиданные версии радикализма, такие, как экологический, религиозный, правоконсервативный радикализм, включающий ценности индивидуализма и направленный против базисных демократических и рыночных институтов в обществе, как барьера на пути самореализации молодежи.

На основе системного подхода, диссертант выделяет макро-мезо и микро уровни системы объективно действующих факторов, провоцирующих развитие молодежного радикализма в современном транзитивном российском обществе: - на микроуровне: это нарушения процесса общей, правовой, трудовой, политической социализации молодежи и социально-психологические, возрастные факторы; на макро-уровне: - проявления аномии; - резкое социально-экономическое расслоение общества, молодежи; - бедность, нищета широких масс молодежи; - высокий уровень безработицы молодежи; - рассогласование уровня доходов с уровнем профессионализма, качества, количества труда; - заниженные зарплаты у молодежи, дискриминация в области труда; - ограниченные возможности восходящей социальной мобильности для молодежи, жизненных перспектив; увеличение социальных рисков; - влияют этнокультурные и институционально-правовые, социоструктурные, политические, социodemографические факторы (нерегулируемая миграция), конфессиональные противостояния. Институционально-правовые факторы характеризуют влияние на радикализм особенностей политико-государственного устройства, правовых институтов и их функционирования, низкой политической культуры.

Диссертант подчеркивает, что при кризисе общей и политической социализации молодых поколений российских граждан, неизбежен рост экстремальности сознания и радикализма в молодежной среде. Социоструктурные детерминанты молодежного радикализма выражаются в социальных разрывах, в той степени социальных неравенств, которые воспринимаются молодежью как несправедливые, как социально-дискриминационные по отношению к молодежи. Социоструктурные изменения повлияли на рост недоверия молодежи к государственным и общественным институтам, в результате вырастает степень допустимости антиобщественных радикальных поступков.

С точки зрения диссертанта, не следует проводить жесткой параллели между показателем социальной необеспеченности молодежи и ростом молодежного радикализма. К радикализму способна не только обездоленная молодежь, но и молодые люди со средним уровнем обеспеченности, с социальными и политическими амбициями, которым не соответствует коридор институциональных и структурных возможностей.

Подводя итоги параграфа, можно сделать вывод о том, что молодежный радикализм в российском обществе сформировался в условиях социальной трансформации российского общества, объективно детерминирован системой социоструктурных факторов, и хотя возник позже, чем радикализм западной молодежи, но также отражает острую неудовлетворенность молодежи

своим положением в обществе, деятельностью госструктур, что обуславливает допустимость радикальных, антиобщественных и анархистских действий.

В параграфе 1.3 «*Субъектное измерение молодежного радикализма в современной России*» выявляются деятельностно-мотивационные и мировоззренческие истоки молодежного радикализма. Диссертант отмечает, что радикализация взглядов молодого поколения проявляется в том, что отвержение, критическое осмысление предшествующих периодов российской истории как экономически и социально отсталых, и кризисных, отягощенных бюрократизацией государства, не отменяет, в основном, отрицательной оценки настоящего постсоветского периода, который характеризуется бездуховностью (81,8%), социальной несправедливостью (85,6%), межнациональными конфликтами (84,8%), бюрократией (65,2%)¹ – такое общество может быть подвергнуто разрушению (радикализация сознания). Диссертант делает вывод, что в историческом сознании молодых россиян, во-первых, выключены барьеры молодежному радикализму, не актуализировано представление о радикализме, как тупиковом и требующим человеческих жертв, пути достижения социальных целей; во-вторых, осмысление истории не приводит к осознанию преемственности с предшествующими этапами развития страны, желаниям найти синтез традиции и современности, т.е. молодежный радикализм закрепляется на уровне исторического негативизма, вырастает из чувства исторической разорванности. Мировоззренческие истоки радикализма находят резонансность в историческом негативизме, политическом индифферентизме, ценностном иллюризме и ценностном нигилизме, а также в правовом нигилизме.

Диссертант солидаризуется с позицией ряда исследователей, что радикализм молодежи базируется на экстремальности молодежного сознания – различные формы проявления максимализма в сознании и крайностей в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях. Экстремальность как имманентное свойство молодости проявляется в форме нигилизма и радикализма. Только 23,8 % молодых людей полагают, что сопротивление милиции, а это характерный эталонный момент в отношении радикализма, не может быть оправдано.² Что же касается остальных, можно предположить, что для них допускается возможность сопротивления государственным правоохранительным структурам или уклонения от сотрудничества с ними.

Для молодежи свойственно восприятие, что радикальные поступки совершаются кем-то другими и не имеют непосредственного отношения к их жизни. В отличие от угроз со стороны бюрократии и криминального мира (в целом, от 33 % до 49,4 %)³ молодежь не видит в радикализме угрозу собственным интересам.

По классификации М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги только 3,4 % молодежи состоят в маргинальных радикальных молодежных организациях, но диссертант подчеркивает, что большинство радикальных групп не зарегистри-

¹ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. С. 20

² Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2001. С. 95

³ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. С. 46

рированы, являются мобильными, организованными по сетевому принципу, что может снижать уровень реальной оценки радикализма. С другой стороны, радикальные настроения и поступки могут совершаться в самоорганизованной или социально стихийной форме. Большинство молодых людей неотрефлексировано являются несознательными радикалами, готовы признать, одобрить или даже участвовать в радикальных действиях по логике ситуации.

Диссертант делает вывод, что по ценностно-деятельностным основаниям радикализм находит свое отражение в четырех взаимозависимых моментах: Во-первых, радикализм, не оформившись в самостоятельное идеиное течение и представляя многослойный и противоречивый синдром общественной жизни, характеризуется достаточной целостностью, единством взглядов в отношении к утверждаемым в обществе демократическим и рыночным ценностям, как негативным; Во-вторых, с радикализмом связана традиция индивидуалистического анархизма, стремления быть хозяином самому себе, стремления продемонстрировать свою самостоятельность выходом за пределы социальной стандартности, абсолютизации самостоятельности молодежи, как наиболее динамичной и имеющей перспективы социального видения, группы. В-третьих, радикализм ориентирован на ценность риска, на формулу «резульат ради действия», на стремление быть узнаваемым, вызвать уважение в молодежной среде, опираясь на логику экши, как выход за пределы серых будней, как экстремальная форма самовыражения, как привлекательность ярких жизненных впечатлений, что создает дополнительный ресурс мобилизации в радикальные сети молодежи; В-четвертых, с радикализмом связано неверие или индифферентность молодежи по отношению к нормам социальной и правовой саморегуляции, ценности права и социальной солидарности. Радикализм строится как ценностная альтернатива государственному лоялизму.

По мнению диссертанта, современная российская молодежь достаточно практична и ее ценностные ориентации свидетельствуют об индивидуализме, но в этом есть риск расширения радикализма, поскольку доминирующие ценностные ориентации могут смениться радикализацией социальной активности, если молодые люди ощущают невозможность действовать легитимными способами.

Диссертант отмечает, что среди определенной части радикально настроенной современной молодежи («сознательные радикалы») проявляются идеологические традиции русского радикализма, анархизма и «нечавшины», переплетаясь с эмоциональными иррациональными установками и современной тематикой. Являясь по мировоззренческим установкам движением анархизма и анархического самоутверждения, радикализм исповедует насилие в общественной жизни как наиболее удобный и эффективный способ разрешения молодежных и общественных проблем.

Диссертант подчеркивает, что хотя сознательная часть молодых радикалов, разделяющая радикальные мировоззренческие идеи, оторвана от большинства молодых россиян и заключена в узкие (сектантские) рамки, это

не означает существование непроницаемой границы между радикальными течениями и настроением большинства молодежи. Основная причина высокого потенциала радикализма - наличие «молодежи горячей, энергичной, совершившенно без места в жизни, без видов на карьеру, без выхода. Кому не на что надеяться, тому нечего бояться. Кому не удается жить работая, тот думает о том, чтобы умереть с оружием в руках, тот несет непримиримую ненависть к обществу». ¹ Поскольку в современной России, значительная часть молодежи находится «без видов на карьеру», то внутренний психологически-неосознаваемый потенциал радикализма высок и под влиянием определенных внешних факторов может быстро перерasti в стихийный или осознанный радикализм не только мыслей, но и поведения.

Диссертант обращает внимание на то, что современный молодежный радикализм в России в определенной степени впитывает тенденции зарубежного радикализма. На Западе происходит развитие правого радикализма в качестве общеевропейского феномена.² Праворадикальные идеи разделяет значительная часть западной безработной молодежи, и правый радикализм начал сейчас усиливаться и в среде российской молодежи. Неудовлетворенность жизнью у части молодежи вымешивается в форме неприязни к иммигрантам, этнической вражды, правого радикализма (64%). Действия власти, чиновников вызывают даже больше молодежного протesta (47%), чем действия богачей, бизнесменов (25%).³

Диссертант, анализируя мировоззренческие и социально-деятельностные причины радикализма, в рамках авторской интерпретации рассматривает молодежный радикализм как социетальное состояние молодежной среды, связанное с социоструктурными и деятельностно-мотивационными основаниями, как многоуровневое противоречивое социально-духовное явление, включающее радикализм как форму социально-политического самоопределения и активности молодежи, как альтернатива повседневности и как способ достижения социальной справедливости в оппозиции государству и конкретным властным структурам, но одновременно радикализм молодежи выступает в форме политического поведения, ориентированного на отказ от политического участия и поддержки лоялистских ожиданий со стороны государства, перерастая в радикализм как деструктивную социальную энергию молодежи, как реакция на рост социальных противоречий в российском обществе, как внесистемная оппозиция, направленная на достижение целей политической нестабильности и десконструкции государственной власти.

Подводя итоги параграфа, можно сделать вывод о том, что мировоззренческие социально-деятельностные истоки молодежного радикализма выступают, как следствия политического индифференцизма и смешения ценно-

¹ Кириллова Е.А. Очерки радикализма в России XIX в. (Философско-исторические концепции 40-60-х). - Новосибирск, 1991.

² Умлана А. Сравнительный анализ новых крайне правых групп на Западе (По поводу книги М. Минкенберга) // Политические исследования. - 2001. - № 3. - С.174-179.

³ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления. // Социс 2008, №5, с. 44

стных мотиваций молодежи в пользу поиска девиантных форм социального самоопределения. В повседневной жизни радикализм молодежи существует преимущественно в форме настроений, представляя собой систему взглядов и эмоциональных состояний радикальной направленности. В молодежной среде доминирует стремление к демонстрации радикальных настроений при низкой готовности к совместным радикальным действиям. Но внешние негативные социально-экономические и политические факторы, манипулятивные воздействия определенных политических сил способствуют расширению молодежного радикализма.

В главе 2. «Тенденции молодежного радикализма в политической жизни российского общества» отмечается, что молодежный радикализм претендует на самостоятельность в политической жизни, как альтернатива политической имmobильности и некомпетентности молодого поколения.

В параграфе 2.1 «Молодежный радикализм: позиции и влияние в политическом пространстве» анализируется динамика политической активности российской молодежи. Вследствие демонополизации политической жизни в 90-е годы наметилась волна политической активности молодежи, которая, однако, была прервана последующими событиями политической и экономической жизни: кризис 1998 г., восстановление политической вертикали в России и установка на иерархизацию политической жизни, в которой самостоятельной молодежной политики практически не было определено место. Хотя сейчас в России действует более 427 тыс. молодежных общественных объединений,¹ но значимого политического и социального влияния они не имеют, малознакомы самой молодежи. Общественные и политические молодежные организации призваны выражать интересы, идеальные позиции и принципиальные особенности сознания молодежи. Но сознание российской молодежи противоречиво, вариативно, дискретно. Результаты социологического исследования, проведенного доктором философии, профессором А.А. Денисовым, диссертантом в 2010-2011 гг. (956 респондентов – студентов вузов Ростовской области и работающей молодежи) показали, что можно выявить следующие типы сознания молодежи: «инфантильное» (12%), «интегрировано – лояльное» (23%), «гражданское» (15%), «традиционно-подданническое» (20%), «аполитичное» (46%), «компромиссное» (53%), «аномично-криминогенное» (37%), «протестное» (32%).

Доктором философии, профессором А.А. Денисовым, диссертантом в 2010-2011 гг. (956 респондентов – студентов вузов Ростовской области и работающей молодежи) показали, что можно выявить следующие типы сознания молодежи: «инфантильное» (12%), «интегрировано – лояльное» (23%), «гражданское» (15%), «традиционно-подданническое» (20%), «аполитичное» (46%), «компромиссное» (53%), «аномично-криминогенное» (37%), «протестное» (32%).

Диссертантом в ходе социологического исследования выявлена следующая типологизация «протестного сознания» молодежи, ориентированной на активные общественные действия: 1- тип протестующего сознания с антикапиталистической направленностью направлен на борьбу за изменение социального устройства (8% респондентов); 2- традиционный тип, направленный на борьбу за улучшение условий трудовой занятости, противодействие политике предпринимателей, администрации и правительства; (5%); 3- общенациональный тип протестующего сознания (4% респондентов), стремящийся повысить свое влияние на ход общественного развития, воспротивиться реакционным антидемократическим тенденциям в политике господ-

¹ Карпенко О.М., Ломанов И. А. Молодежь в современном политическом процессе в России. М., 2006. С. 45

ствующих политических сил; 4- праворадикалистский тип протестного сознания (9% респондентов), характеризующийся состоянием озлобления, агрессивности к другим социальным и этническим группам, националистическими настроениями; 5- протестно-культурный тип сознания, характеризующийся уходом в различные молодежные субкультуры либо радикальные религиозные культуры, секты (6% респондентов). Из всех групп молодежи, различающихся по принципиальным характеристикам их сознания, могут проявить гражданскую и политическую активность, прежде всего молодые люди с «протестным типом» сознания и «гражданским сознанием», (примерно 45% молодежи), но по результатам проведенного диссертантом исследования студентов Ростовской области на вопрос «Вы допускаете или исключаете для себя возможность стать активистом какой-либо партии?» - утвердительно ответили лишь 16 % респондентов, отрицательно – 77 %, 9% затруднились ответить, а в реальности участвуют в деятельности политических и общественных организаций менее 6 % опрошенных респондентов. Эти данные коррелируют с результатами исследований М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, выявивших, что позицию гражданской и политической активности одобрятельно разделяет только 6,6 % молодых людей и они активно участвуют в различных политических организациях.

Диссертант солидарен с точкой зрения ряда исследователей, что уровень участия молодежи в традиционных политических формах (прежде всего, пассивной электоральной) достаточно долгое время остается стабильно низким, не достигает 50 %. В исследовании, проведенном диссертантом (2011г), выявляя предпочтения студентов в отношении различных партий в преддверии выборов, обнаружено, что 57% респондентов не верят в эффективность выборов и не хотят голосовать, критическое отношение к партиям («они не защищают интересы избирателей») выражают 49% студентов, «за существующую власть»- выступают 24% студентов, «нейтрально» - 25,2%, «оппозиция» – 17%, из которых приверженность к оппозиционным и маргинальным политическим структурам проявляют 7%. «Радикалов», как «желающих изменить существующее» (исходя из структуры взглядов респондентов, но не их действий) - диссертант выделяет в исследовании среди студентов и работающей молодежи в Ростовской области около 20%, хотя допускают для защиты своих интересов лично участвовать в митингах, забастовках (6% мужчин и 8% девушек), в террористических актах (4% мужчин и 2% девушек), в экстремистских движениях, группах (по 4% мужчин и девушек). Можно сделать вывод, что от 9 до 19% вузовской молодежи частично готовы примкнуть к радикально-революционным политическим силам и реальное вовлечение этой молодежной страты в большую политику может существенно дестабилизировать ситуацию в стране. Выводы диссертанта коррелируют с результатами исследования Д.Л. Константиновского (2009г.), которые показали, что оппозиционная молодежь (2.4 млн. чел.) склонна к активному или пассивному протесту и анархическая молодежь (2.3 млн. чел.) склонна к маргинальному поведению (скинхеды, фанаты), т.е. эти 16% моло-

дежи составляют резерв для пополнения оппозиционных радикальных политических структур.

По мнению диссертанта, политическое представительство молодежи до сих пор в основном ограничено примыканием (или включением) к существующим политическим партиям и движениям («Наши», «Молодая гвардия», РКСМ). Но молодежный радикализм презентируется через самостоятельные молодежные организации как левого, так и правого толка (Левый фронт, НБП, различные праворадикальные группы). Особенность молодежного радикализма состоит не столько в том, чтобы войти во власть, сколько протестовать, бунтовать против власти, устрашать власть, требовать изменения политики, выражать свою политическую самореализацию в качестве несистемной оппозиции. Молодежные радикальные неформальные и формальные объединения выступают как социально - политические и культурно-духовные общности, имеющие определенные базисные диспозиции на место молодежи в российском обществе в целом, оценки состояния российского общества, как общества, достойного разрушения или коренной трансформации. Молодежный радикализм в российском социуме является состоянием молодежной среды, связанным с политической псевдосубъектностью, как следствием политического индифферентизма и недоверия к государственным и политическим институтам.

Диссертант отмечает, что подчеркивая политическую инертность молодого поколения, как и недовольство возможностями политического влияния молодежи, основной тенденцией можно считать «ползучую» радикализацию, рост настроений в пользу делегитимации существующей политической системы как временной и не отвечающей интересам большинства молодого поколения. Если оценивать действия политических элит, которые делают ставку на вытеснение молодежи из поля политики, они могут столкнуться с неприятным для себя «сюрпризом» - возможностью аполитичной молодежи уйти в сферу несистемного политического действия. Существуют основания для роста радикализма, как настроений в пользу отвержения современной политической системы, что ассоциируется с обвинениями за создавшиеся кризисные ситуации в адрес правительства и системных политических структур: острой являются проблемы этнонациональных отношений, социального неравенства или недоверия государственным структурам (правоохранительным органам) и результатам выборов в Госдуму в 2011г. Дискредитация государственной власти, также как и обвинение власти, государства в несостоятельности выполнять основные функции по отношению к обществу и гражданам, является следствием не только неэффективности государственной структуры (бюрократизированности, некомпетентности, коррумпированности¹), но и влияния радикальных идей (враждебности государства, паразитизма государственных структур и несправедливости закона).

¹ Попов М.Ю. Глобальные и локальные факторы коррупции в современной России // Теория и практика общественного развития, 2011, №2, с. 55

Диссертант критически оценивает, что государственные молодежные организации с лозунгом защиты интересов государства мобилизуются на эффективные, но политически неэффективные массовые акции (карнавалы, демонстрации, концерты), строя и определяя формат своей работы в массовых уличных акциях и не ведя регулярной сетевой работы, не работая снизу, не создавая политической инфраструктуры, особенно, в регионах. Это свидетельствует о том, что большинство молодежи не охватывается политической деятельностью или не представляет интерес в качестве молодой смены правящей партии – и потому не способна к противодействию и блокированию молодежного радикализма. У большинства молодежи не существует требуемого уровня доверия к власти, который бы позволял говорить о совместном противодействии власти и молодежи против радикалистских пополновений. В оценке радикализма молодежь занимает позицию и непротивления, и отстранения.

По мнению диссертанта, действующие оппозиционные молодежные организации и движения, выступая как уличная протестная сила, пытаются вообразить себя либо лидерами будущих «оранжевых» революций, либо революционных путей, что, несмотря на крайний популизм и «самоотверженность» ее участников не приводит к мобилизации широких слоев молодежи, но может быть квалифицировано как внесистемный организационный радикализм. Радикализм стимулируется анархическими представлениями молодежи, стремлением самостоятельно заявить молодежные проблемы, осуществлять стратегию давления на государство с целью инициирования желательных перемен.

Диссертант выделяет негативные и позитивные смыслы, функции молодежного радикализма. Политические цели радикализма являются деструктивными, негативными по отношению к сложившейся государственной системе и выходят за пределы легального политического поведения; «Позитивный» смысл молодежного радикализма состоит в том, что системные политические партии и движения вынуждены в той или иной мере формулировать молодежную проблематику, привлекать молодежь в качестве зависимой политической силы для политического участия.

По мнению диссертанта, игнорирование идеино-политического основания радикализма приводит к тому, что радикальные идеи не отфильтрованы молодежным сознанием и могут восприниматься как допустимое, удобное, что при определенных обстоятельствах приводит к росту радикальных настроений и действий. Молодые люди допускают, что при возрастании кризисных явлений, при том, что власть будет оставаться равнодушной, радикалы могут стать ведущей политической силой. Наилучшим средством достижения политических целей для радикализма является возбуждение, провоцирование конфликтов с властями по поводу реализации тех или иных прав.

Диссертант делает вывод, что радикализм, не являясь идеино-политическим авангардом молодежи, в силу неорганизованности, внутреннего разброда и низкой мобилизационной готовности молодежи, не может стать в ближайшее время мощной и влиятельной политической силой, но ра-

дикализм, проявляясь на уровне поведенческих практик, повышает социальную напряженность и деструктивность молодежи. Радикализм является периферийным, несистемным явлением политической жизни, который стоит в оппозиции всей политической системе и традиционным политическим субъектам (в том числе и системной оппозиции). Хотя молодежный радикализм в России охватывает только 3 – 4 % молодых людей, можно увидеть его роль как генератора политической нестабильности, политического деструктивизма, перехода к несистемным формам политической активности молодежи, к экстремизму. Экстремизм повышает уровень этнонациональной и криминогенной напряженности и угрожает национальной безопасности.

Диссертант выявил противоречия молодежного радикализма: периферийность позиций, отсутствие политической субъектности и неприятие системных молодежных организаций, что совмещается с претензией на роль новой социальной и политической силы, внесистемной политической оппозиции – и одновременно возможность использования молодежного радикализма «взрослыми» политическими партиями для реализации узкопартийных политических целей, возможность манипуляции молодежью; - в молодежной среде доминирует стремление к демонстрации радикальных настроений при низкой готовности к совместным радикальным практикам.

В параграфе 2.2. «Молодежный радикализм: мировоззренческие и политические практики» классифицируются типы молодежного радикализма в современной России. Диссертант отмечает, что молодежный радикализм в современной России – неоднороден, он многообразен, многолик, имеет различные направления, специфические типы, но единую характерную тенденцию- склонность к крайним, насильтственным действиям во имя реализации той или иной идеи. Можно типологизировать молодежный радикализм по различным критериям: - в зависимости от сфер проявления выделяется политico-идеологический, экономический и правовой, религиозный радикализм; - политическая основа формирует «правый» и «левый» радикализм.

Со стороны российской власти больше внимания в период с 1990 по 2007 г. уделялось прежде всего левому радикализму: считали, что ощущимое падение уровня жизни населения вследствие рыночных реформ способно усилить политические позиции коммунистов, их сторонников среди населения, активизировать левую радикальную молодежь. Но последние годы (2008-2011г.г.) показали, что резко усилился в России именно правый радикализм: наблюдается существенный рост неприязни по национальному признаку и увеличение возможности участия в этноконфликтах на стороне своей национальной группы, не только студенческой молодежи, но даже школьников. Разделяют взгляды радикальных русских националистов, выступающих против мигрантов и лиц нерусской национальности в России, 21% молодежи.¹

¹Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления. // Соглас 2008, №5, с. 43

Диссертант солидарен с рядом исследователей, что по идеологической составляющей радикалов можно классифицировать: 1) Левые радикалы в области социально-экономических вопросов; 2) Правые радикалы, националисты-ксенофобы; 3) Молодежные радикальные движения фашистского типа; 4) Вандалы, футбольные хулиганы, которые находятся под сильным влиянием неонацистов; 5) Анархистские радикалы; 6) «Зеленые» (экологические и культуроохраные) радикалы; 7) Радикалы антиглобалистских движений; 8) Религиозные экстремистские формирования - ваххабиты, православные экстремисты, дьяволопоклонники (антихристиане). Религиозный и региональный радикализм взаимоусиливает правый националистический радикализм.

Диссертант делает вывод, что наличие в современной России различных идеологических направлений молодежного радикализма (националистические, религиозно-фундаменталистские, анархистские, ультраправые) указывает с одной стороны, на мозаичность, неоднородность молодежных радикальных движений, а с другой - все молодежные радикальные направления выступают, как структуры претендующие, на слом существующей государственной машины. Во многом, молодежный радикализм улавливает тенденции социального настроения не только молодежи, но и многих слоев общества.

Молодежные радикальные направления по функциональному признаку диссертант делит на следующие типы: - партнерские (ряд молодежных радикальных групп взаимодействуют друг с другом,); - альтернативные (данные молодежные радикальные направления противостоят всем другим радикалам); - провокативные (молодежные движения склонны использовать любые поводы для разжигания агрессивности различных слоев молодежи, создавая разнообразные провокации, манипулируя молодежью, полицией и т.п.); - мобилизационные радикальные движения, которые уделяют большое внимание пропаганде, распространению своих идеологических ценностей, взглядов, расширению своих идеальных и практических сторонников, используя и традиционные печатные, и новые информационные возможности интернет для распространения своей идеологии, для организации уличных акций, а также применяя вхождение в ту или иную неформальную досуговую субкультуру с целью постепенного вовлечения и мобилизации данных групп молодежи в свои ряды; - появляются и вооруженные радикально-экстремистские формирования, вовлекающие в свои ряды преимущественно молодежь (начиная от наиболее социально опасных вооруженных формирований боевиков-ваххабитов и кончая частично вооруженными группами скинхэдов, фанатов).

Диссертант отмечает, что молодежные радикальные направления как духовные и социально-политические общности, построены по принципу жесткой иерархии и непрозрачности для «других», тотального контроля над настроениями и устремлениями участников, тенденциями вождизма по отношению к рядовым участникам и к обществу в целом. От призывов к насилием радикальным действиям, переходят к реальным вооруженным насилиственным и преступным действиям уже 1% молодежи (в среднем по

стране), а в Северо-Кавказском регионе – составляет 3-4% молодежи. Данная тенденция грозит национальной безопасности российского общества, ибо молодежный радикализм практически не имеет позитивной осознанной программы преобразования общества, а преимущественно нацелен на радикальные разрушительные действия.

Диссертант делает вывод, что существование молодежных радикальных направлений в социальной и политической жизни российского общества определяется социальной аномией молодежной среды, комплексом социальных, экономических, политических, психологических, правовых, субкультурных, этнических, религиозных факторов, ошибками в деятельности государственных структур, их коррумпированностью, манипуляцией сознанием и массовыми настроениями молодежи под влиянием действий региональных политических элит, определенных внутренних и зарубежных политических сил, заинтересованных в мобилизации молодежного потенциала для реализации своих целей. Пространство молодежного радикализма характеризуется как периферийное и позиционированное как внесистемная оппозиция в политической жизни общества.

В параграфе 2.3. «Молодежная государственная политика и тенденции молодежного радикализма» диссертант доказывает, что тенденции развития молодежного радикализма в современной России (будет происходить его рост или спад) во многом зависят от характера государственной молодежной политики (ГМП), от стратегии и тактики деятельности властных структур. В 1990-е годы государство фактически не занималось ГМП, следствием ослабления регулирующей роли государства в вопросах решения молодежных проблем, в ее среде развивались процессы маргинализации, криминализации, потребительского отношения к жизни, появились элементы радикализма. В 2000-е годы стали декларировать, что молодежь является стратегическим ресурсом развития страны. «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации» была утверждена Правительством РФ в декабре 2006 года, но представляет собой весьма декларативный, «мобилизационного» характера документ. Государство уменьшает свои обязанности по отношению к молодежи, ограничивает свое право и обязанность государственного регулирования процессов социальной поддержки, обучения, воспитания молодежи, а лишь пытается создать правовые, организационные и экономические условия для развития личности и молодежных объединений. Фактически властные структуры федерального и регионального уровня взаимодействуют только с проправительственными молодежными организациями. В 2008-2010 г. под давлением финансового кризиса и недоценки властными органами остроты проблем молодежи, государственная поддержка молодежи свернута, цели ГМП сдвигаются на неопределенное будущее.

Диссертант отмечает, что молодежь имеет ограниченные возможности политического участия, защиты и реализации собственных интересов, что свидетельствует о недостаточном уровне демократизма в России. Различные молодежные группы интересов и молодежные движения должны иметь воз-

можность заявлять власти о своих требованиях легально и организованно. Без системы представительства молодежных специализированных групп интересов последовательная интеграция их в процессе принятия политических решений практически невозможна. Но в таком случае они будут стремиться заявить о своих требованиях спонтанно, радикально, даже в экстремистских формах.

По мнению диссертанта, государственная молодежная политика Российской Федерации должна быть направлена на предотвращение и решение конфликтов между молодежью и обществом, на минимизацию негативного воздействия молодежного радикализма, включать систему идей и практических мероприятий: 1) общенациональная идея сбережения молодежи; 2) эффективная и адекватная ценностям российской культуры система социализации молодежи на всех возрастных уровнях; гражданское, правовое воспитание молодежи; 3) доступность, поддержка и стимулирование образования, приоритет профессионализма, накопление «человеческого капитала»; 4) учет специфики социокультурных потребностей молодёжи, а также конфессионального и этнического многообразия страны, 5) разработка программы решения острых социальных проблем молодежи; увеличение государственных ассигнований на образование, здравоохранение, развитие законодательства о молодежи, ее трудоустройства, организации непосредственной помощи проблемным группам молодежи и снижения молодежной безработицы; 6) разработка программы мер по регулированию процессов развития молодежных субкультур. 7) формирование и институциализация общественно значимых молодежных организаций, вовлечение молодежи в общенациональное молодёжное движение, имеющее долгосрочный характер; 8) Для повышения степени участия молодежи в социально-политической жизни играет существенную роль развитие молодежного парламентаризма, как реального института включения молодежи в общественно-значимые социально-экономические и политические процессы страны, развитие общественных консультативно-совещательных структур молодежи на различных уровнях государственного управления, выполняющих функции: - представление интересов молодежи в органах власти; - участие в нормотворческой деятельности, прежде всего в сфере государственной молодежной политики; - подготовка молодых кадров, выявление молодых лидеров, интересующихся общественно-политической и управлеченческой деятельностью и получающих соответствующие навыки работы; - проведение социально значимых мероприятий; - просветительская деятельность, направленная на повышение правовой культуры молодых избирателей. 9) Противодействие экстремистской деятельности молодежи должно осуществляться по двум основным направлениям: а) устранение или минимизация причин и условий, способствующих росту радикализма – необходимо реальное обеспечение права молодежи на образование и труд, на доступ к лучшим образцам отечественной и мировой культуры, массовому спорту, к самореализации в молодежных легальных организациях; б) идеологическая, организационная, информационная, правовая и силовая борьба с экстремистской деятельностью общественных и религиозных объединений,

иных организаций, физических лиц, разоблачение экстремистской идеологии, конкретных радикальных движений и т.п.

Диссертант отмечает, что работа с молодежью и неформальными молодежными организациями типа «рок – клубов», «скинхедов», левацких группировок, ведется в основном силами правоохранительных органов, применяя по отношению к молодым людям 12-25 лет исключительно силовые методы воздействия, что дает обратный эффект - повышает авторитет неформальных лидеров экстремистских групп, подвергшихся репрессиям. Методы правового и силового принуждения, подавления, методы информационной и политической блокады по отношению к радикальной молодежи, хотя сейчас доминируют, но оказываются малоэффективными.

Диссертант подчеркивает, что информационная блокада, игнорирование позиций радикальной молодежи, запрет представления их позиции через легальные молодежные организации, способна не устранить опасность молодежного радикализма, а перевести радикальную молодежь на более скрытую, конспиративную, более экстремистскую, преступную деятельность. Чтобы не воевать с собственной радикальной молодежью, необходим диалог власти с массовыми участниками молодежных радикальных движений, направленный на учет справедливых требований, протестов молодежи и идеологическое опровержение ее ошибочных и социально-опасных позиций.

Подводя итоги параграфу, можно отметить, что существующая в данный момент государственная молодежная политика не создает реальных условий для снижения молодежного радикализма. Необходима модернизация государственной молодежной политики, связанная с децентрализацией, переносом деятельности в регионы, дифференцированностью, связанной с учетом запросов различных групп молодежи, и формированием реальных общегосударственных и региональных проектов, в которых бы приняла участие молодежь.

В «Заключении» подводятся основные итоги работы, делаются общие выводы, намечаются перспективы дальнейшего исследования затронутой проблемы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Научные издания:

1. Столяренко Е.В. Молодежные радикальные направления в современной России: истоки, факторы, типология. (монография) - Новочеркасск, НГМА, 2012. – 14п.л. (в соавт.)
2. Столяренко Е.В. Молодежный радикализм в российском социуме. (монография) - Новочеркасск, НГМА, 2012.- 10 п.л. (в соавт.)

Публикации в периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

3. Столяренко Е.В. Проблема молодежного радикализма в России // Теория и практика общественного развития 2010, №2; -0.5 п.л.
4. Столяренко Е.В. Факторы молодежного радикализма в России // Теория и практика общественного развития 2011, №2; -0.5 п.л.
5. Столяренко Е.В. Внесистемная молодежная оппозиция: тенденции радикализма // Теория и практика общественного развития 2012, № 2 -0.5 п.л.

В других изданиях:

6. Столяренко Е.В. Молодежная политика // Человек и общество: поиски, проблемы, решения. (Международн. сборник научных трудов) вып.11. НГМА, 2005; -0.35 п.л.
7. Столяренко Е.В. Профессиональное образование в условиях рыночных реформ // Профессиональное образование: актуальные проблемы и перспективы развития. (сборник научных трудов), вып. 2. НГМА, 2006; -0.3 п.л.
8. Столяренко Е.В. Ценности и ценностно-политические ориентации молодежи // Человек и общество: поиски, проблемы, решения: сб. науч. ст. – Материалы 3-ей международной конференции // Новочерк. гос. мелиор. академия. - Новочеркасск: НГМА, 2007; -0.3 п.л.
9. Столяренко Е.В. Молодежная массовая культура, молодежные субкультуры // Психологопедагогические проблемы современного профессионального образования. Сб. научн. статей. Новочеркасск, ЮРГТУ, 2009; -0.3 п.л.
- 10.Столяренко Е.В. Анализ молодежного радикализма // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы. Одиннадцатые всероссийские научные чтения. (Тезисы науч. - теор. конф. 28-29 апреля 2010г) - Новочеркасск, Ростов/Д, 2010; -0.1п.л.
- 11.Столяренко Е.В. Подходы к анализу молодежного радикализма в России // Человек и общество: поиски, проблемы и решения. Сб. научн. статей, вып. 16. Новочеркасск, НГМА, 2010; -0.5п.л.
- 12.Столяренко Е.В. Экстремизм в молодежной среде // Человек и общество: поиски, проблемы и решения. Сб. научн. статей, вып. 16. Новочеркасск, НГМА, 2010; -0.25 п.л.
- 13.Столяренко Е.В. Противопоставление молодежи и общества: ценностные аспекты// Вторые Велиховские научные чтения. Сб. научн. статей, Новочеркасск, НГМА, 2010; -0.45п.л.
- 14.Столяренко Е.В. Предпосылки экстремизма молодежи // Сб. научн. трудов аспирантов, соискателей. Вып. 8 Новочеркасск, НГМА, 2010; -0.45 п.л.
- 15.Столяренко Е.В. Типология сознания российской молодежи// Человек и общество: поиски, проблемы, решения. Материалы 6-й международной конф. Новочеркасск, НГМА, 2010; - 0.45 п.л.
- 16.Столяренко Е.В. Рынок труда: диспропорции спроса на рабочую силу молодежи// Занятость в XXI Веке: формы, тенденции изменения, закономерности и мера. Материалы 3-ей международ науч. - практ конф. Ростов/Д, РГЭУ (РИНХ), 2010; -0.4 п.л.

- 17.Столяренко Е.В. Подходы к анализу положения молодежи в обществе // Актуальные проблемы социальной философии. Сборник научн.трудов вып.1., НГМА, 2011; -0.25 п.л.
- 18.Столяренко Е.В. Радикализм: тип мышления и поведения молодежи // Актуальные проблемы социальной философии. Сборник научн.трудов вып.1., НГМА, 2011; - 0.3 п.л.
- 19.Столяренко Е.В. Молодежный радикализм: современность и традиции. // Актуальные проблемы социальной истории. Сб. науч. статей, вып.. 12; Новочеркасск, Ростов н\Д, 2011; - 0.25 п.л.
- 20.Столяренко Е.В. Социальное неравенство в образовании и молодежный радикализм // У11 международ. Науч. - практ. конф. «Современные вопросы науки - XXI век» (Тамбов, 2011г). -0.25п.л.
- 21.Столяренко Е.В. Коллективная память общества и традиции радикализма, правового нигилизма // XII международ. Науч.-практ. конф. «Современные вопросы науки - XXI век» (Тамбов, 2011г); - 0.25 п.л.
- 22.Столяренко Е.В. Молодежный радикализм как социально-политические общности. // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы. Двенадцатые всероссийские научные чтения. (Тезисы науч. - теор. конф.) - Новочеркасск, Ростов/Д, 2011; -0.1п.л.

Подписано в печать 14.02.2012

Формат 60Х84 Тираж 100 экз. Заказ 80

Отдел оперативной полиграфии ФГБОУ ВПО НГМА, 346428,
г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111